

с 370 Симбирский-Н.
Правда о Гапоне и
«9-м января».

СПб; 1906

БЧ

БИБЛИОТЕКА

и

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

О. Н. ПОПОВОЙ

(бывш. Черкесова)

№ 21214

С.-Петербургъ, Невскій пр., 54

Издательство и книжный магазинъ О. Н. Поповой.

(1950)

Включено

в

каталог

1959

21214

С. В. НЕВОКІЙ Д. № 54

19/11 206 Конниковъ

e

Б4

№ 62756

СМ

Р4

и4

тк

21214

Н. Сумбурскій.

**Правда
о Тапохъ
и „9-къ яхваръ“.**



Третья тысяча.

НАСАКИН

Николай Владимович

псевд

Семобирский

~~2114~~

Ж. Сумбурскій.

9(47)86

С370

Правда о Тапохъ

и 9-мъ яхвартъ.

№ 62756



~~76803~~

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ул. Лавская, 3

1948

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Проверено 1936 г.

90

2000
6/20/38

ИЮЛ 1939

ИЮЛ 1939

2016

Содержание
Листов 1-2

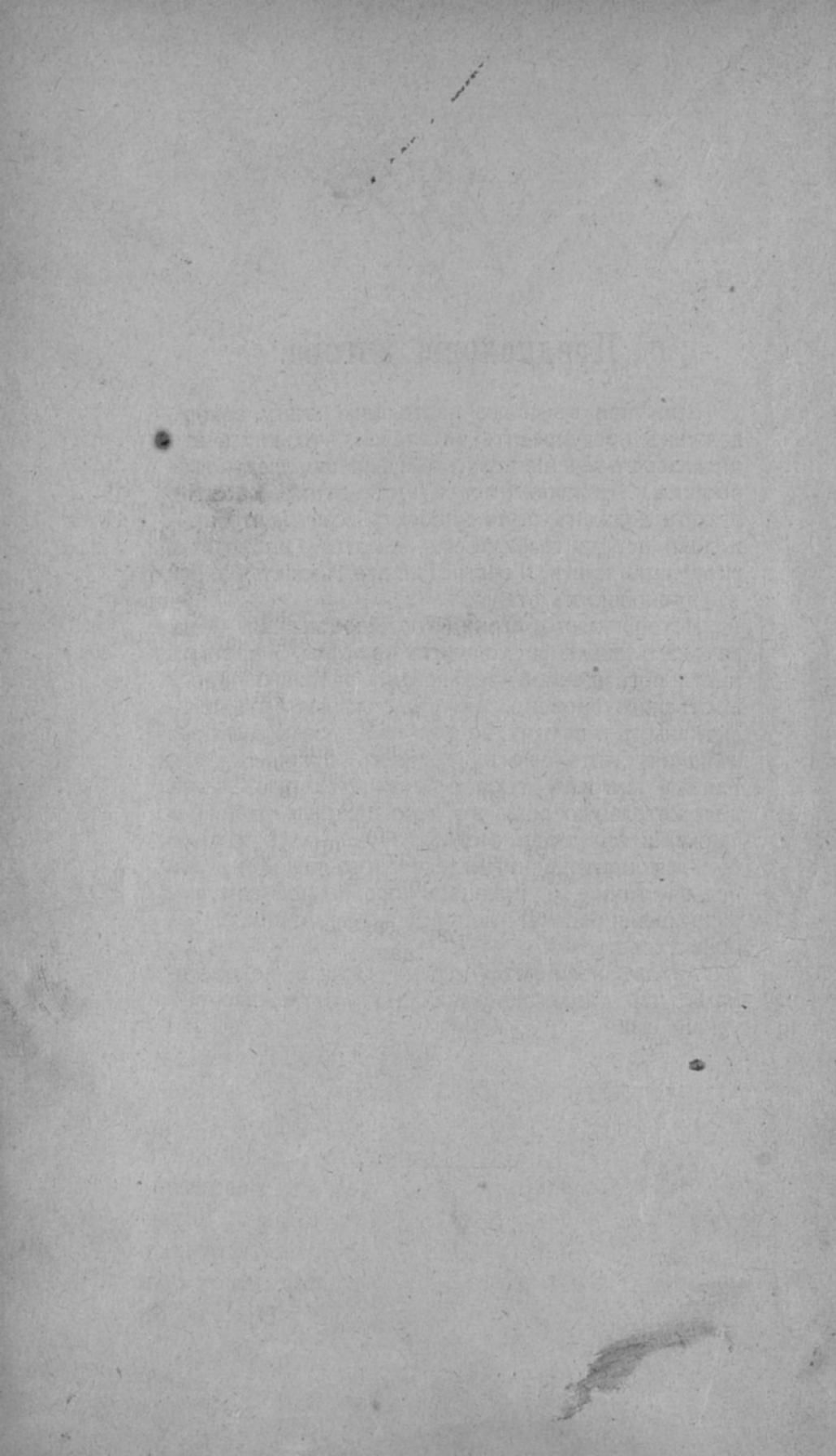


Предисловіе автора.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, авторъ долженъ предупредить читателей, что книга эта писалась въ теченіе полугода и шла параллельно событіямъ. Въ зависимости отъ этихъ событій, авторъ долженъ былъ заносить все то, что проходило передъ глазами его—и потому эпизодическое лицо книги, Георгій Гапонъ, является здѣсь въ нѣсколькихъ стадіяхъ.

Исторія этого страннаго человѣка на фонѣ рабочаго движенія скользитъ по всѣмъ 5 частямъ книги, посвященной изслѣдованію рабочаго вопроса послѣдняго времени. Авторъ старался быть объективнымъ и потому, во имя той правды, которая обѣщана читателямъ, долженъ признать, что Гапонъ сыгралъ скорѣе отрицательную, чѣмъ положительную роль въ зародившемся рабочемъ движеніи въ Россіи. Нельзя оправдывать травлю соц.-демократовъ по адресу этого человѣка, но нельзя также и признать правильной систему разрѣшенія рабочаго вопроса путемъ сношеній съ правительствомъ.

Авторъ извиняется передъ своими подписчиками, что книга запоздала, но это лежало внѣ усилій его.





Правда о Гапонѣ и 9-мъ январѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Психологія русскаго рабочаго вопроса.

I.

Рабочій вопросъ въ *Россіи* существуетъ, конечно, давно. Онъ родился одновременно съ рожденіемъ первой свободной фабрики, перваго завода. Но несомнѣнно также, что русскій рабочій вопросъ—это младенецъ сравнительно съ рабочимъ вопросомъ Западной Европы, какъ младенчески слаба наша промышленность обрабатывающая сравнительно съ таковою же нашихъ западно-европейскихъ сосѣдей. До послѣднихъ событій общество мало замѣчало рабочій вопросъ—можетъ-быть, просто забывало о немъ.

Но недаромъ мы—русскіе. И у насъ все происходитъ именно по-русски, какъ-то сразу. Не находите ли вы, что русская жизнь какъ-то складывается, точно по стариннымъ былинамъ. Припомните одну изъ самыхъ популярныхъ древне-русскихъ былинъ: былину объ Ильѣ Муромцѣ. Сидѣлъ богатырь Илья

сиднемъ на печи тридцать лѣтъ и три года въ селѣ Карачаровѣ, близъ города Мурома. И сидѣль до тѣхъ поръ, пока не пришли къ нему „калики перехоже“ и не поднесли чару меду сладкаго.

Послѣ первой чары Илья сказалъ:

— Кабы столбъ отъ земли до неба, а у столба золотое кольцо, я бы взялъ за то кольцо, да и поворотилъ бы всю землю Святорусскую...

— Много слишкомъ силы — сказали калики — земля не вынесетъ.

Подали Ильѣ другую чару, чтобы уменьшить эту силу на половину.

Съ тѣхъ поръ ходить Илья съ половиной силы — другая, видно, про запасъ держится.

Такъ и съ нашимъ рабочимъ вопросомъ. Тридцать лѣтъ и три года сиднемъ сидѣль русскій рабочій вопросъ и мало кто зналъ даже, что существуетъ онъ на свѣтѣ. Всѣ знали, что есть у насъ рабочіе, ибо есть фабрики и заводы. Всѣ, конечно, видали этихъ рабочихъ и на улипахъ, когда они иногда проходили поспѣшно по фешенебельному центру столицы, закопченныя, усталые, плохо одѣтые. Но, чтобы у этихъ людей былъ еще и вопросъ свой, этого не знали не только мы, не знало этого и правительство, которое должно бы знать всѣ вопросы. А этотъ русскій рабочій передъ 17 октябремъ вдругъ „остановилъ дыханіе“ на всемъ протяженіи великой земли русской.

Поворотилъ всю землю Святорусскую...

Но оставимъ былины — перейдемъ къ дѣйствительности.

Меня интересуесть вопросъ съ чисто психологической стороны и потому прошу не претендовать на отсутствіе строго обоснованныхъ научныхъ данныхъ по этому вопросу. Всѣ данныя, которыя мнѣ удалось сгруппировать, служатъ мнѣ лишь, какъ матеріаль для психологическихъ построеній. Прежде всего, что такое рабочій человекъ по терминологіи російскаго законодательства? Беремъ Сводъ Законовъ, т. IX, изд. 1876 г., и отсюда дѣлаемъ извлеченія.

— Рабочіе люди — гласить законъ — особый разрядъ городскихъ обывателей. Указомъ 1787 года повелѣно было публично наказанныхъ по суду не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ не держать, а отсылать для пребыванія по уѣзднымъ городамъ, гдѣ записать ихъ въ рабочіе люди со включеніемъ въ мѣщанскій окладъ. Указами 1816 и 1821 гг. повелѣно заграничныхъ выходцевъ, вернувшихся въ Россію согласно манифесту 30 августа 1814 г., если общества ихъ держать не пожелаютъ и они окажутся негодными къ военной службѣ, приписывать къ рабочимъ людямъ въ уѣздные города. Въ 1824 году было воспрещено переселеніе евреевъ въ Россію изъ-за границы; евреевъ же, поселившихся уже въ Россіи и не причисленныхъ ни къ одному сословію, велѣно было, если общества ихъ принять не пожелаютъ, распредѣлить немедля въ рабочіе люди по уѣзднымъ городамъ съ мѣщанскимъ окладомъ. Наконецъ, въ 1832 году постановлено, чтобы, въ случаѣ порочности причисленныхъ

къ городамъ и при неисправности ихъ въ платежѣ податей и сборовъ—записывать этихъ лицъ въ рабочіе люди на общемъ основаніи законовъ, т. е. облагаются они мѣщанскимъ окладомъ и подвергаются личной отвѣтственности въ случаѣ неисправнаго платежа.

Законы эти, конечно, относятся къ временамъ давнимъ. Однако, слѣды ихъ находимъ въ IX т. и это даетъ извѣстный матеріаль. Не отсюда ли идетъ такое странное отношеніе нашего правительства и общества къ рабочему вопросу?

Нѣтъ ли здѣсь психологической преемственности?

Между тѣмъ въ Западной Европѣ въ началѣ 19-го вѣка начинается дѣйствительно серьезное рабочее движеніе на политической почвѣ. Довольно указать на *чартизмъ* въ Англии *въ 1837 году*, созданный исключительно рабочимъ классомъ. Здѣсь уже рабочіе сплачиваются около идеи *о противоположности интересовъ труда и капитала*; появляются стремленія рабочаго пролетаріата не только къ улучшенію своего матеріальнаго благосостоянія, но и къ измѣненію *всего общественно-экономическаго строя страны*.

И, хотя въ чартистскомъ движеніи еще нѣтъ опредѣленной социально-экономической программы, однако, среди рабочихъ уже возникаетъ мысль объ *организации всеобщей забастовки, какъ средства къ достиженію всѣхъ требованій рабочихъ*. И въ заключеніе—всѣ требованія чартистовъ сводятся къ *введенію народной хартии, реформѣ народнаго представительства*.

Приблизительно то же, что произошло

у насъ передъ 17 октября. А началось 9 января.

Этотъ первый толчокъ рабочаго движенія не умеръ въ Англии; наоборотъ, онъ далъ ходъ дальнѣйшему развитію рабочаго вопроса по всей Западной Европѣ.

Уже въ концѣ 80-хъ годовъ возникаютъ періодическіе международные рабочіе конгрессы для обсужденія положенія и образа дѣйствій рабочаго класса. Такіе международные рабочіе конгрессы происходятъ въ *Парижѣ* въ 1889 г., въ *Брюсселѣ* въ 1891 г., въ *Цюрихѣ* въ 1893 г. и въ *Лондонѣ* въ 1896 г.

Рабочее движеніе идетъ полнымъ ходомъ.

Въ Германіи изъ рабочихъ союзовъ родится въ 1868 г. „соціально-демократическая рабочая партія“, съ Бебелемъ и Либкнехтомъ во главѣ. Во Франціи рядъ рабочихъ представителей начинаетъ проникать въ палату депутатовъ еще съ 1889 г. И въ 1893 г. за социалистическія рабочія группы подано уже 589,000 избирательныхъ голосовъ. Особенно обостряется вопросъ въ Италіи; идутъ періодическіе національные конгрессы рабочей партіи, обнаружившей большую тенденцію къ анархизму. Даже въ пестрой Австро-Венгріи, всего ближе подходящей къ нашимъ социальнымъ условіямъ, еще въ 60-хъ годахъ возникаетъ сильная рабочая партія, которая стремится къ осуществленію всеобщаго избирательнаго права и проведенію своихъ депутатовъ въ рейхсратъ.

На ряду съ этимъ возникаютъ, растутъ

и крѣпнуть въ Западной Европѣ рабочіе союзы уже на чисто экономической почвѣ. Въ Англіи въ 1898 г. появляется всеобщая федерація трэдъ-уніоновъ, въ которую входятъ 1267 трэдъ-уніоновъ, имѣющихъ 13,738 развѣтвленій съ колоссальнымъ количествомъ членовъ. Эти трэдъ-уніоны располагаютъ громадными денежными суммами. Только въ 100 большихъ союзахъ общая сумма дохода въ 1898 году простирается до 1.900,000 фунт. стерлинговъ, т. е. около 20 милл. руб. на наши деньги.

Доходы централизованныхъ германскихъ союзовъ въ томъ же 1898 году равняются 5.508,667 марокъ; при этомъ 1.073,290 марокъ отсчитывается ежегодно на возможность стачки...

Яркій примѣръ организациі—это германскій союзъ типографскихъ рабочихъ; онъ входитъ въ соглашеніе съ такими же союзами Швейцаріи, Австріи, Венгріи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Голландіи, Сербіи, Румыніи, Болгаріи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и, наконецъ, Финляндіи. Этотъ мощный союзъ обезпечиваетъ всѣхъ примкнувшихъ къ нему членовъ. Куда бы членъ этой федераціи ни попалъ изъ этихъ странъ—онъ вездѣ долженъ получить работу и можетъ рассчитывать на всякую поддержку, какъ денежную, такъ и моральную.

Пока нарасталъ и двигался этотъ мощный потокъ рабочихъ организацій—что же дѣлалъ нашъ Илья Муромецъ?

Онъ сиднемъ сидѣлъ, или правильнѣе, его заставляли сиднемъ сидѣть.

И ждать „каликъ переходящихъ“, кото-

рые ему поднесутъ чару живительной влаги...

Мы настолько мало интересовались рабочимъ вопросомъ, что въ русской литературѣ даже не существуетъ почти сводныхъ работъ по рабочимъ союзамъ и организаціямъ. Можетъ-быть, потому, что таковыхъ и не имѣется. Можно указать на горнозаводскія товарищества, на адмиралтейскія и заводскія по морскому вѣдомству товарищества, на кассы взаимопомощи потребительныхъ обществъ, возникавшія въ послѣднее время. Но все это такъ мелко по сравненію съ той картиной, которую мнѣ удалось лишь намѣтить въ самыхъ схематическихъ чертахъ по Западной Европѣ, что лучше и не говорить объ этихъ организаціяхъ.

II.

Между тѣмъ, мы, однако, подошли теперь вплотную къ этому вопросу—помимо забастовокъ, надвигающагося промышленнаго кризиса, революціонныхъ эксцессовъ. Скоро будетъ Государственная Дума,—какъ ни оттягивали ее, а все же думается, что соберется же она. Въ Думѣ нѣкоторые изъ насъ встрѣтятся уже съ рабочими—членами Государственной Думы. Нужно же установить хотя морально: кто же эти люди? въ чемъ ихъ сущность? И какъ до сихъ поръ смотрѣли на рабочій вопросъ и общество и правительство?

Нельзя совершенно отдѣлять правительства отъ общества. Правительственная мораль—есть всегда отчасти отзвукъ

извѣстной части общества, откуда черпаютъ людей для этого правительства.

Вотъ, на примѣръ, германское правительство, когда вводило проектъ закона о государственномъ страхованіи рабочихъ — вотъ, какъ мотивировало этотъ законъ въ оффиціальныхъ мотивировкахъ.

„Забота государства о нуждахъ слабѣйшихъ своихъ сочленовъ есть не только обязанность, налагаемая гуманностью и христіанствомъ, но и задача политики, оберегающей интересы самого государства. Политика эта должна быть направлена къ тому, чтобы и въ бѣднѣйшихъ классахъ населенія, какъ наиболѣе многочисленныхъ и наименѣе просвѣщенныхъ, вселять убѣжденіе, что государство есть учрежденіе, не только необходимое, но и благодѣтельное... Согласно идеѣ современнаго государства, на послѣднемъ должна лежать, рядомъ съ защитой существующаго порядка, обязанность оказывать положительными мѣрами и средствами поддержку всѣмъ своимъ гражданамъ, преимущественно же слабѣйшимъ и наиболѣе въ ней нуждающимся...“

Я не нашелъ такого же документа среди русскихъ правительственныхъ актовъ по рабочему вопросу. Будемъ думать, что правительство наше держалось въ этомъ вопросѣ политики: *laissez faire — laissez aller*. И любезно предоставило русскому рабочему вопросу самоопредѣлиться — помимо правительственныхъ актовъ моральнаго характера. Насколько неожиданно и стремительно самоопредѣлился и создался русскій рабочій

вопросъ, иллюстрирую это однимъ фактомъ.

Въ ноябрѣ истекшаго года въ Солянскомъ Городкѣ происходило объединенное учредительное собраніе бывшихъ 11-ти такъ называемыхъ гапоновскихъ рабочихъ союзовъ, оффиціально именуемыхъ „Собраніемъ русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“. Я получилъ приглашеніе прибыть на это собраніе. Было очень многолюдно—сюда собралось, какъ говорили, около 4 тысячъ рабочихъ, изъ коихъ каждый являлся представителемъ своего „пятка“. 20.000 человекъ нельзя было бы вмѣстить даже и въ эту громадную залу. Собраніе, послѣ дѣловыхъ постановленій о возобновленіи союзовъ, перешло въ митингъ; сюда явились чуть не всѣ ораторы фракціи „большевиковъ“ р. с.-д. р. п., прибыла группа соц.-револ. и, наконецъ, пожаловали и ораторы партіи анархистовъ.

Кипѣла жестокая борьба. Ораторы партій всѣми силами старались сорвать организацію, намѣченную и проводимую здѣсь именемъ отсутствующаго Гапона. Моментъ для партій былъ очень серьезный по послѣдствіямъ—въ этотъ день невидимая рука Гапона вырвала изъ рукъ партіи соц.-дем. цѣлую армію организованныхъ и сознательныхъ рабочихъ въ 20 т. человекъ, которая могла увести за собою *еще четверо больше*.

И потому со стороны партій были пущены въ ходъ всѣ средства. Говорили десятки ораторовъ. Но особенно сильное впечатлѣніе оставила рѣчь одного оратора. Это былъ делегатъ съ манда-

томъ отъ бельгійскихъ рабочихъ - анархистовъ. Элегантный господинъ еврейскаго типа, недурно говорившій по-русски.

Этотъ делегатъ, между прочимъ, сказалъ:

— Теперь въ западно-европейскихъ рабочихъ организаціяхъ появился новый лозунгъ въ обращеніяхъ къ правительству. Если правительство остаётся упорно глухимъ къ рабочимъ требованіямъ—рабочія организаціи говорятъ: *вы насъ не хотите слышать? Такъ мы съ вами будемъ поступать по-русски. Тогда вы насъ, навѣрное, услышите!*

По-русски!—это новый лозунгъ западно-европейскихъ рабочихъ организацій.

Вотъ, какъ неожиданно высоко поднялся тогда престижъ русскаго рабочаго въ глазахъ уже давно сплоченныхъ, могучихъ рабочихъ организацій Запада. Кто положилъ начало этому престижу? Я думаю, что это сдѣлали рабочіе Петербурга, которые встали и стоятъ во главѣ всего русскаго движенія. *Петербургскіе рабочіе самоопредѣлились.* Это соль рабочаго сознательнаго народа.

Постараюсь намѣтить бытовую и экономическую сущность рабочаго люда СПБ., хотя бы въ общихъ чертахъ. Прежде всего въ Петербургѣ и его окрестностяхъ надо отмѣтить *двѣ крупнѣйшія характерныя рабочія группы:* рабочіе *механическихъ* производствъ и рабочіе *текстильныхъ* производствъ, т. е. ткачи и прядильщики. Остальныя группы невелики сравнительно и мало характерны въ смыслѣ соц.-эконом. О нихъ я скажу особо.

Эти двѣ группы — механическая и

текстильная—представляютъ собой два противоположныхъ полюса во многихъ отношеніяхъ. Рабочіе механическаго производства всегда впереди всякаго движенія. Это—аристократы рабочаго класса, прогрессисты. Слесаря, литейщики, кузнецы, механики, машинисты—все это народъ развитой, съ большой индивидуальностью, съ довольно хорошимъ заработкомъ, если судить по даннымъ фабричной инспекціи (1 р. 70 к. въ день—11 ч. раб. день). Директоръ Путиловскаго завода, очень характернаго для такого типа рабочихъ, какъ-то въ печати заявлялъ, что средній заработокъ ихъ путиловскаго рабочаго—70 руб. въ мѣсяць. Отъ самихъ рабочихъ я слыхалъ и нѣсколько иное. Во всякомъ случаѣ, эта группа рабочихъ можетъ еще отчасти жить безъ особой жгучей нужды, при неустанной работѣ, конечно. Они могутъ снимать дешевую, но все же квартиру, разъ они семейные люди. Жена можетъ заняться домомъ. Есть очагъ, котораго лишены многія другія рабочія группы.

Я никогда не былъ самъ рабочимъ, но мнѣ представляется, что работа на механическихъ производствахъ, несмотря на всю тягость ея, должна развивать въ человѣкѣ стремленіе къ индивидуализаціи. Здѣсь должно быть мѣсто творчеству; рабочій долженъ много думать, соображать на самой работѣ.

И потому самая сущность труда даетъ толчокъ къ самоопредѣленію. Со многими рабочими мнѣ лично приходилось часто бесѣдовать у себя на дому часами на разныя темы. По формѣ разговора, даже

по языку, они ничѣмъ почти не отличаются отъ нашихъ интеллигентовъ. По-моему, они—интереснѣе, потому что сужденія ихъ свѣжѣе и убѣжденія, разъ воспринятыя,—очень тверды.

А за послѣднее время они растутъ морально чисто по-русски—не по днямъ, а по часамъ, какъ царевичъ Гвидонъ въ бочкѣ.

Совершенно другой типъ — рабочіе ткачи и прядильщики. Это—рабы станка. Ихъ съѣла машина со всей ихъ сущностью. Упорно механической трудъ. Можете быть гениемъ среди ткачей, но, пока вы на фабрикѣ, у васъ нѣтъ даже имени. У васъ—только *номеръ такой-то*.

Придите на любую ткацкую фабрику и спросите:

— У васъ есть ткачъ Поликарповъ?

Смотритель неизмѣнно переспроситъ васъ:

— А какой у него номеръ?

Здѣсь люди—номера. Здѣсь на лицо самое ужасное, что можетъ быть въ трудовой атмосферѣ—*безнадежность труда*. Люди тупѣютъ, опускаются. Вслѣдствіе отсутствія требованій на индивидуальное творчество, цѣна на этотъ трудъ держится неизмѣнно *низкой нормы*. Ткачъ получаетъ 90 к. въ день за 10¹/₂ часовой трудъ—и будь вы хоть самъ знаменитый Бебель, бывший ткачъ, но все же болѣе этихъ 90 коп. вы не получите, пока стоите у станка. Это—*„тюрьма труда“*.

Вслѣдствіе низкаго заработка, ткачъ и прядильщикъ не можетъ имѣть семейнаго очага, такъ какъ жена должна также работать на фабрикѣ, чтобы какъ-

нибудь удержаться на уровнѣ жизни. Дѣти брошены на произволь судьбы. Живутъ они въ углахъ, а кормить ихъ артельная матка.

Такова, съ внѣшней стороны, бытовая сторона двухъ главныхъ группъ петербургскихъ рабочихъ. На этой почвѣ развиваются и социальное-экономическія условія. *Механическіе рабочіе всегда стоятъ во главѣ политическаго движенія. Ткачи и прядильщики* — если и во главѣ, то — *чисто-экономическаго*. Въ сущности, эти двѣ группы — это два безсознательныхъ врага. Механическіе стремятся вверхъ; ткачи упорно тянутъ ихъ внизъ, къ землѣ, къ ея утробнымъ требованіямъ.

Въ Петербургѣ насчитывается въ настоящее время по даннымъ, любезно сообщеннымъ мнѣ В. П. Литвиновымъ-Фалинскимъ: механическихъ рабочихъ—до 70 т. человекъ, ткачей и прядильщиковъ—до 25 т. и остальныхъ, не столь характерныхъ производствъ—до 50 т. Далѣе идетъ громадная масса чернорабочихъ, большинство которыхъ элементъ пришлый, изъ деревни.

Изъ этихъ двухъ характерныхъ группъ—механическіе большею частью прирожденные горожане. Ткачи — это *деревенскій* пролетаріатъ, обязанный жить въ городѣ.

Иногда социальное-экономическая физиономія цѣлой группы людей опредѣляется моментомъ. Возьмемъ два момента. Надо посмотрѣть одинъ разъ, какъ выходятъ съ работы тѣ и другіе.

Нарисую вамъ двѣ картины.

Смѣна на механическомъ заводѣ. Изъ

воротъ выходитъ группа рабочихъ. На нихъ рабочая, не первой свѣжести, одежда, но безусловно прочная и крѣпкая. Лица ихъ сосредоточены и очень серьезны. Сквозь слой копоти на васъ глядитъ здѣсь хмурая мысль. Идутъ неторопливо и солидно. Разговариваютъ между собой. И о вещахъ, не имѣющихъ по большей части ничего общаго съ оставленнымъ заводомъ. Тамъ — своя жизнь, рабочая. Здѣсь — другая, общественная, съ острыми общественно-политическими интересами.

По дорогѣ покупаютъ газеты — преимущественно либеральнаго направленія. Придя домой, рабочій прочтетъ въ свободное время эту газету и со многимъ, можетъ-быть, не согласится, ибо либерализмъ *барскій* и рабочій существенно разнятся другъ отъ друга.

Но, во всякомъ случаѣ, онъ приходитъ въ *свою* квартиру. Какую — это вопросъ другой, но онъ можетъ все же остаться одинъ, когда этого захочется; нѣтъ этой навязанной обществу, отъ которой „человѣкъ угла“ рѣшительно никуда не можетъ дѣться. Психологія одиночества — это иногда очень важный факторъ въ жизни мыслящаго человѣка. Недаромъ ученые такъ любятъ свои пыльные кабинеты. Одиночество — это гнѣздо мысли...

Совершенно не ту картину наблюдаете вы среди ткачей.

Лишь только просвистѣлъ гудокъ, открываются фабричныя ворота, какъ смѣна ткачей, получивъ свободу, выходитъ на улицу. Прежде всего стремительно разбѣгается по домамъ. Точно стадо испуг-

нутыхъ зайцевъ! Одѣты они плохо и—по зимнему сезону—очень легко. Они бѣгутъ, подгоняемые и морозомъ и нуждой. Они вырвались изъ душной фабричной атмосферы. И не радуется ихъ ни ясное майское солнце, ни январскій бодрящій морозъ. Бѣжить ткачъ, а за нимъ поспѣваетъ его жена. И оба бѣгутъ въ свой уголь, гдѣ пищать непокормленные, заброшенные дѣти.

И такъ—десятки лѣтъ. Можетъ-быть, всю жизнь. Подумайте, какая это, въ сущности, страшная жизнь!

Естественно, что среди этой группы рабочихъ политика и вопросы социальныя не могутъ пользоваться большою популярностью. Не до политики, когда всю жизнь кладешь исключительно на борьбу даже не съ нуждой, а просто съ нищетой. Не до социальныхъ вопросовъ, когда эта борьба за существованіе обставлена условіями работы Сизифа, а дома „вынужденная общественность“, которая глядитъ ежеминутно изъ всѣхъ угловъ любопытными глазами.

Этотъ сортъ труда, убивая въ человѣкѣ самое цѣнное—индивидуальность, можетъ вызвать рефлексъ развѣ въ видѣ глухого озлобленія противъ *неопредѣленности*; не противъ извѣстнаго социального строя, въ силу котораго рабочій не считается за полноправнаго человѣка, не противъ режима даже, который покровительствуетъ исключительно богатымъ классамъ, а именно противъ *глухой и таинственной неопредѣленности*, которая надвигается на васъ и заставляетъ отдавать и трудъ и жизнь неизвѣстно для чего.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

76803

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

плос. Лесная, 3